

А.А.Жумашова

Материальная и духовная культура цивилизаций Отра́ра

В статье рассматриваются исследования, касающиеся материальной и духовной культуры древнего и средневекового Отра́ра. Отра́рская цивилизация показана на основе трудов ученых-энциклопедистов во главе с Абу Наср аль-Фараби, наследия поэтов-жырау, музыкантов-композиторов, исследований средневековых городищ и поселений, остатков оросительных систем оазиса Отра́ра. Автор повествует о памятниках материально-бытовой культуры, характерных для времени от основания городищ и до их полного исчезновения, о культуре, которая вошла в археологическую науку под названием «Отра́рско-Кара́тауская культура».

А.А.Zhumashova

Material culture civilizations Otrar

This article concerns the research of spirit and material cultures of an ancient Otrar. There were observed the basis of Otrar civilization which had its own place in the world civilization, became the studies and art of scientists, encyclopedists headed Abu Nasr al-Farabi, poets-zhyraus, musicians and composers. And concerns the research of the medieval towns and settlements, remains of water supply system of Otrar oasis, found monuments of material culture characterized the from remote time until its end. The author concerns the culture which entered into the science archaeology with the name «Otrar-Karatau culture».

УДК 930. 1(574) «19»: 001.8

Г.М.Какенова

Евразийский национальный университет им. Л.Н.Гумилева, Астана

Идейная борьба в среде творческой интеллигенции Казахстана в 1930-е гг. Проблемы изучения

В статье рассмотрены актуальные проблемы политики большевистского государства в отношении интеллигенции Казахстана в 30-е годы. Была исследована источниковедческая база, которую составляют архивные документы и материалы периодической печати тех лет. В соответствие с этим в научный оборот были введены новые данные и на их основе сделаны объективные выводы в рамках современных исторических взглядов по этой тематике.

Ключевые слова: история Казахстана, интеллигенция, власть, система, государственные чиновники, большевики, советские органы, журналистика, народное просвещение.

С первых дней прихода к власти, понимая, что образование и наука составляют единую систему, от которой напрямую зависит воспроизводство государственных чиновников и интеллигенции, большевики старались не только поставить все сферы духовного производства под свой контроль, но и воспитать особую разновидность интеллигентов, всецело разделявших их мораль и мировоззрение.

Больше всего политический контроль коснулся настроений интеллигенции в отношении к большевикам и идеологии марксизма-ленинизма. Вполне понятно, что эти настроения представляли собой сложный сплав политических взглядов. В этом контексте на позицию представителя интеллигенции, на наш взгляд, влияли образование, окружающая среда, состояние души, положительный или, наоборот, отрицательный опыт контакта с властями и др. Политические настроения интеллигенции были достаточно подвижны и менялись под воздействием конкретных событий. За годы «красного террора» и гражданской войны у интеллигенции отбили желание открыто выражать свое мнение по политическим вопросам. В 1920-е гг. масштабы политического контроля непомерно возросли. Впервые, он окончательно охватил все сферы общественной жизни, во-вторых, политическими стали считаться суждения по разнообразным вопросам, включая чисто житейские.

Здесь следует подчеркнуть, что ещё в 1918 г. «главный чекист» страны Ф.Э.Дзержинский неоднократно призывал народ к бдительности, напоминая, что «главной целью рабочего класса должна быть мстительность и враждебность» [1; 23].

Документы свидетельствуют, что в среде творческой интеллигенции сохранялось реальное «политическое многоголосие». Так, в официальных документах с середины 20-х годов большевики заявляли, что «советская власть... сплотила на базе социалистического строительства большие слои технической и иной интеллигенции под руководством пролетариата», а «советский служащий (учитель, врач, инженер, агроном и т.д.) по своим стремлениям и настроениям начинает становиться советским по существу» [2; 11].

Но на деле власть большевиков прочно сохраняла к интеллигенции политическое недоверие. В то же время для политических настроений значительной части интеллигенции было характерно также критическое настроение, недоверчивое отношение к официальной пропаганде. Инакомыслие проникало и в ряды так называемых «красных спецов». Интеллигентов, вступавших в ряды партии большевиков на гребне борьбы за переустройство старого мира, постепенно начинали тяготить разгул бюрократизма, чиновничества и другие возвращающиеся элементы прежнего царского государственного механизма.

В целом у значительной части интеллигенции на протяжении 1920-х гг. сохранялась неудовлетворенность своим экономическим положением, а также существовали собственные духовные и политические ориентиры, отличавшиеся от канонов коммунистической идеологии. Назначение Ф.И.Голощекина в 1925 г. руководителем Казахстанской партийной организации, несомненно, явилось отправной точкой для начала кампании противопоставления одной части национальной интеллигенции другой для осуществления политики по принципу «Разделяй и властвуй». Власть не просто провоцировала развитие идейной борьбы среди интеллигенции, но и обозначала имена тех из них, кого определяла в качестве своих противников-националистов. Таковыми были названы Ахмет Байтурсынов, Елдос Омаров, Жусипбек Аймаутов, Халел Досмухамедов, Мухтар Ауэзов, Миржакып Дулатов, Мухамеджан Тынышбаев, Телжан Шонанов, Алихан Букейханов, Жумагали Тилеулин, Магжан Жумабаев, Кошке Кеменгеров, Габбас Нурымов, Ахметсапа Юсупов (Жусипов). Так называемые властью «националисты» противопоставлялись революционному крылу в лице Назира Тюрякулова, Габбаса Тогжанова, Молдагали Жолдыбаева, Беймбета Майлина, Смагула Садвакасова, Сакена Сейфуллина, Ильяса Джансугурова, Абдирахмана Байдилдина, Ергали Алдонгарова, Кажыма Басымова [3].

Анализ источников, затрагивающих вопросы идейной борьбы в среде творческой интеллигенции Казахстана в советский период, дает основание утверждать, что их авторы, нередко не отдавая себе в том отчета, находились под влиянием исторического мировоззрения, которое было свойственно их времени. Это естественно и понятно.

Историография политики большевиков в Крае, в частности, в отношении творчески мыслящей части населения, ярко прослеживается на примере многих эпизодов истории Казахстана 1920–1930-х гг. Даже члены партии большевиков, активные борцы за установление Советской власти в Казахстане, объявлялись политическими врагами. Этот парадокс можно объяснить: стремлением разжечь вражду среди местной интеллигенции, нивелировать её ряды, превратить творчески мыслящих людей в послушное идеологическое орудие воздействия на остальную часть населения. Критически, свободно выражающий свои убеждения интеллигент не нужен был даже среди членов партии, ибо догматик более безопасен. В качестве иллюстрации к сказанному выше обратимся к документальным источникам и трудам исследователей жизни и творчества Сакена Сейфуллина.

В августе 1934 г. в Москве проходил I Всесоюзный съезд советских писателей. Царила обстановка приподнятости, профессиональной солидарности (особенно в связи с присутствием на съезде более 40 зарубежных коллег). И никто не предполагал, какая тяжелая участь ждет многих из делегатов писательского форума. Пройдет несколько месяцев, и целый ряд литераторов бесследно исчезнет, другие окажутся в тюремных стенах или будут жестоко оклеветаны. Даже в среде интеллигенции проникнет практика доноительства. Уже к 1937 г. навсегда или надолго выбыли из строя не менее трети основателей писательского Союза. В 1938 г. трагическая участь постигла делегата съезда Сакена Сейфуллина. Галина Серебрякова писала: «Имена и значимость для советской литературы многих безвинно погибших литераторов все ещё не получили полной объективной оценки... В Сакене Сейфуллине я видела как бы частичку Казахстана и поняла, что он был плоть от плоти своего народа, своей страны, один из лучших её сынов... Мы глубоко чтим выдающийся творческий дар крупных

писателей, которые жили и творили рядом с Сейфуллиным, знаем, что именно он, Сакен Сейфуллин, открыл собою первую страницу истории советской казахской литературы» [4].

«Основная профессия — учитель», — так на вопрос анкеты в ноябре 1920 г. ответил Сакен (Садуакас) Сейфуллин, с чьим именем неразрывно связано развитие культуры Казахстана в первой трети XX столетия [1, л.10].

Поэт и писатель искренне воспринял Октябрь 1917 г., приветствовал его стихотворением «А нука, джигиты!». После установления Советской власти в Акмолинском уезде С.Сейфуллин был избран членом президиума Акмолинского Совдепа и назначен уездным народным комиссаром просвещения. 3–4 июня 1918 г. произошел белогвардейский переворот в Акмолинске, и Сейфуллин, как видный деятель Советской власти, был арестован. До весны 1919 г. находился в застенках Колчака. Вместе с группой совдеповцев он пешком, в кандалах, прошел этапом из Акмолинска в Петропавловск, затем в Омск. Этот период жизни им описан в историко-мемуарном романе «Тернистый путь» [5].

После разгрома контрреволюционеров в марте 1919 г. С.Сейфуллин вернулся к руководящей работе в Акмолинске. В мае 1920 г. его назначают помощником заведующего административным отделом ревкома. В Постановлении Президиума Акмолинского Уездного Ревкома о назначении Сейфуллина говорилось: «Ввиду того, что тов. Сейфуллин является партийным и советским работником, как представитель киргизского населения, ввиду желательности его участия в [решении] административных вопросов, касающихся киргизского населения, [утвердить его в качестве] помощника заведующего отделом управления при ревкоме с 9 мая с.г.»

В 1920 г. С.Сейфуллин был избран членом президиума ЦИК КАСССР, а в 1922 г. — заместителем Народного комиссара просвещения и уже на III съезде Советов — Председателем Совета Народных Комиссаров КазАССР и членом ВЦИК СССР.

С 1925 по 1935 гг. Сейфуллин работал сначала редактором республиканской газеты «Еңбекші қазақ», потом (свыше десяти лет) преподавателем истории казахской литературы в Казахском государственном педагогическом институте, главным редактором литературного журнала «Әдебиет майданы». И все эти годы он был одним из руководителей писательской организации и Союза писателей Казахстана.

Работу в руководящих советских органах, а также в области журналистики и народного просвещения С.Сейфуллин совмещал со своим главным призванием — писателя и поэта. Начав свой творческий путь как поэт-лирик в сборнике «Минувшие дни» (1916 г.), он уже в 1922 г. выступил как поэт, утверждающий преимущества советского строя (сборник «Неукротимый тулпар»). Для всей советской поэзии того времени была характерна тяга заглянуть в прекрасное будущее, некоторая декларативность и лозунговость. Поэзия Сейфуллина тоже не избежала этого, но, несмотря на это, она и сегодня подкупает высоким чувством любви к родине («Советстан», «Экспресс», «Қызыл ат»).

Народ признал и полюбил замечательного поэта. В республике широко отмечалось двадцатилетие его творческой деятельности. Последовавшие сразу же обвинения в национализме и официальная отмена пропаганды его творчества народом поддержаны не были.

В 1934 г. увидела свет поэма Сакена Сейфуллина «Қызыл ат». Красный конь воплощает в себе все живое, не покорившееся ударам судьбы. В этом произведении автор раньше постановлений и решений осознал неверные ориентиры и попытался донести свой взгляд на события 20-х — начала 30-х годов до читателя.

Сакен Сейфуллин, человек острого ума и широкого сердца, удивительно талантливый, притягивал к себе самых разных людей. Студенческая молодость, начало творческого пути связывали его с Магжаном Жумабаевым. В тяжкие периоды жизни Магжан находил поддержку и понимание у Сейфуллина. Так было, когда Сакен пригласил его в Акмолинск работать в органах народного образования, так было и в 1937 г., когда, оказавшись без работы, Магжан приехал в Алма-Ату. Нужно было иметь высокое гражданское мужество, чтобы в годы террора против интеллигенции способствовать переизданию поэмы Шакарима «Лейли и Меджнун», встать на защиту А.Байтурсынова.

В своих выступлениях С.Сейфуллин неоднократно подчеркивал необходимость неукоснительного следования принципу объективности в отражении жизни народа в произведениях писателей и поэтов. Так, выступая в августе 1934 г. на Первом съезде Союза писателей СССР в прениях по докладу Н.И.Бухарина, Сейфуллин сказал об однобоком изображении представителей других национальностей в русской советской литературе и в этой связи подверг критике Иванова и Шкловского. В частности, было отмечено, что «Вс. Иванов много пишет из жизни азиатских народностей. Но в его тоне, особенно в тоне его ранних произведений, проступает барское отношение к малым народностям.

Он иногда рисует героя малых народностей наивным, а иногда и идиотом. Он иногда даже географии не знает, он не знает, где находится Казахстан и кто такие казахи, он не знает, где находится Киргизстан и кто такие киргизы... Шкловский, когда проезжал по Турксибу через Казахстан, написал очерки о казахах из окна вагона, причем утверждает, что казахи называют себя киргизами» [6].

Будучи председателем Совнаркома, несмотря на запрет областного комитета партии, считавшего недопустимым организацию советскими органами данного юбилея, в январе 1923 г. в Оренбурге Сакен Сейфуллин организовал празднование 50-летнего юбилея Ахмета Байтурсынова [7]. На страницах периодической печати были опубликованы материалы, посвященные научной и педагогической деятельности известного тюрколога, его вкладу в развитие культуры Казахстана.

Всесторонний анализ научных трудов А.Байтурсынова был дан в работе И.Омарова, особо подчеркнувшего значение трудов юбиляра для просвещения народных масс. М.Дулатов в одноименном библиографическом очерке подробно проследил знаковые этапы в становлении Ахмета Байтурсынова как просветителя, ученого и защитника народных интересов [8]. В свою очередь С.Сейфуллин в юбилейной статье особо подчеркивал подчиненность всей деятельности Ахмета Байтурсыновича единственной цели — служению своему народу. В статье «Ахмету Байтурсынову — 50 лет» выражены, по фразеологии того времени, крамольные мысли. Вопреки официальной пропаганде поэт утверждает, что Ахмет Байтурсынов — «истинный сын народа» [9].

Первый нарком внутренних дел Казахстана Абдирахман Айтиев, на страницах газеты подвергнув критике С.Сейфуллина за выступление на юбилейном торжестве, назвал его националистом, не способным активно бороться против алашордынцев [10].

Здесь уместно будет отметить, что отношение к вопросу о праздновании юбилея основоположника тюркологии как направления научной мысли в Казахстане стало своего рода лакмусовой бумажкой на предмет определения лояльности или, наоборот, отсутствия лояльности к Советской власти в среде интеллигенции, студенчества. Оценки творчества Ахмета Байтурсынова в эти дни варьировали от восхищения его талантом до крайнего негатива. В этой связи заслуживает внимания исследование историков отечественной интеллигенции попытка Сабита Муканова показать его роль в истории культуры казахского народа, не смешивая творческие и политические оценки. Произведения-воспоминания С.Муканова, на наш взгляд, достойны занять свое место в историографии творческой интеллигенции Казахстана и, кроме того, должны рассматриваться в качестве исторического источника личного происхождения, а также исторической хроники.

Естественно, что, будучи человеком своего времени, возвращенный Советской властью, С.Муканов не избежал идеологических клише в своих суждениях, но это была честная позиция. Если обратиться к его высказываниям об А.Байтурсынове, то можно увидеть, что они перекликаются с заключениями современных исследователей культуры, обозначающих известный водораздел в истории алашской интеллигенции. С.Муканов, отнеся юбиляра к той группе казахских интеллигентов, которая «на первый план выдвигала идею национальной свободы», подчеркивает, что именно эта идея преобладала в его статьях. Создание А.Байтурсыновым после Февральской революции 1917 г. казахского алфавита и грамматики признается «прогрессивной стороной его деятельности» [11].

Оценка общественной деятельности и творчества Ахмета Байтурсынова после Февраля 1917 г., данная С.Мукановым в книге «Школа жизни», может служить иллюстрацией ситуации в среде интеллигенции в 30-е годы. «Сейчас всем известно, — пишет С.Муканов, — что после Февральской революции казахские националисты создали партию Алаш-орда, вступившую в союз с русской контрреволюцией против советской власти, против диктатуры пролетариата. Ахмет Байтурсунов стал одним из вождей этой партии буржуазных националистов. Конные полки алаш-ордынцев сражались плечом к плечу с колчаковцами и белобандитами атамана Дутова. Пал Колчак, пала и Алаш-орда. Ахмет Байтурсунов, как и многие другие вожаки алаш, понял, что их дело проиграно. Он поехал в Москву, добился приема у В.И.Ленина. Вскоре после этого некоторые алаш-ордынцы, принимавшие участие в боях против Красной Армии, были амнистированы. В списке амнистированных находился и сам Ахмет Байтурсунов. Говорят, что во время встречи с Лениным Байтурсунов пообещал не только не выступать против советской власти, но и служить ей верой и правдой. Этим только и можно объяснить, что в 1920 году он был принят в Коммунистическую партию, а после создания казахской автономии назначен комиссаром по народному образованию. Ахмет Байтурсунов не сдержал своего обещания. Как только он стал советским работником, так и начал выступать против советской власти. И словами, и делами своими» [11; 448–449].

С большим сожалением в редакционной статье в «Ақ жол» говорилось, что уровень празднования 50-летия А.Байтурсынова не такой, как того хотелось бы и как того заслуживает видный ученый-просветитель казахского общества. Исследователи истории интеллигенции, а также литературоведы совершенно точно резюмируют, что юбилейная дискуссия перешла в русло политической [12].

Осуждение С.Сейфуллина за слушание партийных органов в связи с юбилеем А.Байтурсынова после статьи А.Айтиева не заставило себя долго ждать. Поэма «Қызыл сункарлар» («Красные соколы») критиковалась в журнале «Шолпан» в городе Ташкенте. О книге «Асау тулпар» и пьесе «Бакыт жолына» Сейфуллина Назыр Торекулов в московском журнале «Темир казык» отозвался как о непригодных произведениях. Стихотворение, посвященное Троцкому, «Қара беркут» («Черный беркут») также не осталось вне поля зрения критиков.

С.Муканов, очевидец этих событий, пишет: «До Третьей республиканской конференции (17–22 марта 1923 г.) настоящие коммунисты-казахи дружно боролись с националистическими течениями. Но именно на Третьей конференции споры проникли и в их среду, впервые была брошена искра разногласий. Делегат конференции Алма Уразбаева резко и не во всем справедливо критиковала Сакена Сейфуллина. В сборнике Сакена «Асау тулпар» было опубликовано стихотворение «Азия», в котором Азия противопоставлялась Европе и совершенно игнорировалась борьба классов. Неверное по своей политической направленности стихотворение. Оно противоречило духу почти всех других произведений сборника. Алма правильно критиковала его. Но в своем выступлении она допустила серьезную ошибку: положительно оценила хвалебные стихи Сакена о Троцком. Емельян Ярославский, принимавший участие в работе Третьей партконференции, как представитель ЦК РКП (б), поддержал Алму Уразбаеву в её критических замечаниях по поводу стихотворения “Азия”» [13]. Автор хроники С.Муканов не без оснований отмечает опасность выпячивания достоинств стихотворения о Троцком в присутствии функционера из центра.

Официальные органы не прекратили преследований Сакена. В 1929 г. по требованию Краевого Комитета ВКП (б) он был отозван из Ташкента, где руководил Педагогическим институтом, в Алматы. В это время А.Байтурсынов, М.Дулатов, Ж.Аймаутов были задержаны и брошены в тюрьмы.

Именно в этот период некий гражданин Габбас Жанибекулы написал статью «Сәкеннің сыры» («Тайна Сакена»), в которой обвинил поэта в том, что тот является потомком бая, эксплуатировавшего бедняков. В этой же статье Сакен обвинялся в том, что он, будучи председателем Совнаркома, укрывал своих богатых родственников, подделывая документы [14].

Когда поэта отозвали в столицу, правительство искало факты, доказывающие, что он связан с «буржуазными националистами». Ведь в газетах «Еңбекші казак», «Советская власть» (2.09.1929) была опубликована статья «Менің қателерім» («Мои ошибки»), в истину которых не верили члены краевого партийного комитета. После этого Сейфуллина всенародно осудили, и 22 сентября он прошел через партийную «чистку». Но уверенные ответы Сакена не могли доказать его «преступления». Он не был арестован и остался в рядах большевистской партии.

Как известно, силовая коллективизация в Казахстане, в том числе и формирование процесса сентаризации казахов, в период голощекинского правления привела к трагическим последствиям для казахского народа. В связи с этими событиями Сакен написал стихотворение «Аш казак» («Голодный казах»), в котором звучит закономерный вопрос: «Кто в этом повинен, подумай?!» [15]. Его отношение к методам проведения коллективизации в республике получило отражение и в поэме «Қызыл ат» («Красный конь»), написанной в 1935 г. Как в былые годы молодости, у Сакена один друг — верный конь. К нему, кзыл ату, он обращает свои монологи, полные раскаяния и горечи. «Как мало пройдено дорог, как много сделано ошибок», — увидит поэт, и чувство глубокой вины перед всем живым захлестнет его. Поэма имеет диалогическую форму. Разговор искренний, нелицеприятный ведут... конь и человек! Олицетворением всего живого, загубленного, но не покорившегося, предстает перед нами Кзыл ат. Сама душа народная изливает безбрежное горе перед лирическим героем, которому приходится держать ответ за безмерную цену, которой достигнуто и выполнение планов, и полные оптимизма реляции в высшие инстанции. Сейфуллин был первым, кто эту опасную политическую проблему поднял в поэзии, донес свою гуманистическую мысль до народа. Актом высокого гражданского мужества является сам факт обращения к этой теме. Раньше постановлений и решений Сейфуллин осознал неверные ориентиры и попытался в поэме «Қызыл ат» довести свой взгляд на события конца 20-х — начала 30-х годов до народных масс. Он раскаивался за всех, кто был беспощаден, кто ошибался, кто делал карьеру на крови и страданиях народных [16].

В январе 1936 г. на очередном заседании Пленума Союза писателей СССР (в городе Минске), в котором участвовал будущий руководитель НКВД Н.И.Ежов, омский писатель Феоктист Березовский заявил буквально следующее: «...Однако в своей поэме «Красный конь», а также в ряде других произведений Сейфуллин допускал политические ошибки, которые сродни троцкизму. В настоящее время Сейфуллин избавился от этих недостатков».

Но это в общем-то лояльное мнение не прошло мимо ушей Н.И.Ежова и имело свои последствия для поэта. В то время слово «троцкизм» было равносильно словам «предать кого-то» или «совершить большое преступление». В эпоху повальных репрессий С.Сейфуллин, как и все трезво мыслящие люди его времени, не мог избежать кругов ада. Процесс, начавшийся над Каменевым и Зиновьевым в 1936 г., нашел свое продолжение и в Казахстане.

8 января 1937 г. в газете «Социалистік Қазақстан» вышла статья З.Темирбекова «Недостатки “Кызыл сункаров”», в котором он раскритиковал Сакена Сейфуллина. На следующий день это же издание опубликовало передовую статью, в которой говорилось, «что нужно обличать народных врагов и всех их нужно уничтожать». Постоянно публиковались материалы, выявлявшие «национализм» и «вредные мнения», и создавалась атмосфера недоверия, когда обязанностью каждого становилось участие в выявлении «враждебных элементов».

Здесь следует обратить внимание на тот факт, что атмосфера нагнетания подозрительности в обществе, в связи с высказываниями Сталина об усилении классовой борьбы в ходе строительства социализма в стране, способствовала и нарастанию идейной борьбы в среде творческой интеллигенции [17]. Газетные материалы содержали высказывания следующего характера: «Сборник Сакена «Домбыра» был конфискован. Сакен должен был рассказать об этой ошибке. Но он не проронил ни слова» [18]. «В конце совещания выступил товарищ Сакен. По выступлению Сакена было видно, что он до сих пор не замечает своих недостатков» и т.п. [19].

Если в первой половине 1937 г. на страницах газет в основном много говорилось о том, что нужно усилить самокритичность, то с июня месяца на повестке дня стоял вопрос об уничтожении классовых врагов. Страницы средств массовой информации стали пестреть словами, постепенно ставшими привычными для читателя: «враг народа», «классовый враг», «буржуазный националист», «национал-фашист», «фашистский диверсант», «националистический элемент», «алашординский элемент», «вредитель», «бандит», «головорез», «контрреволюционер» и мн. др.

Анализ материалов прессы этого периода отечественной истории свидетельствует о кампании, развязанной против так называемых «агентов иностранных разведок». Вошли в их число и представители творческой интеллигенции. Так, на I съезде Коммунистической партии Казахстана народный комиссар внутренних дел Казахской ССР Л.Б.Залин в качестве японских шпионов назвал Тортаева, Абдулина, Мамырбаева, Султанбекова и других, которых, по его словам, нужно «с корнем уничтожать как врагов народа» [20]. Ярлык «национал-фашист» повесили на Букейханова, Байтурсынова, Кожанова, Аймаутова, Каратлеуова, Тынышпаева, Сейфуллина, Шокаева, Кенжина, Майлина, Накымжанова, Тунганшина [21].

Казахские писатели методично подвергались публичному ostracismу с целью подрыва их авторитета среди масс. Например, на страницах «Қазақ әдебиеті» велась речь о неустойчивости в моральном отношении И.Жансугурова, С.Сейфуллина, Г.Мусрепова, О.Бекова [22].

В 1937 г. (11–13 июля) состоялось закрытое партийное собрание Союза писателей Казахстана с участием писателей Абдукадырова, Майлина, Турманжанова, Каратаева, Жусипбекова и других. На повестку дня было вынесено обсуждение статей в газетах «Социалистік Қазақстан» (от 1 и 28 апреля, 6 и 28 июня, 8 июля) и «Казахстанская правда» (от 10 июля) о положении в Союзе писателей. В постановлении собрания говорилось: «2. Руководители Правления ССПК, в частности, тт. Муканов, Сейфуллин, Джансугуров, Тогжанов и другие, не сделали до сих пор всех необходимых выводов из указаний февральско-мартовского пленума ЦК ВКП (б) и т. Сталина, не развернули большевистскую критику и самокритику собственных недостатков и ошибок, в результате чего продолжает ещё царить в Союзе писателей Казахстана идиотская болезнь — политическая беспечность и притупление революционной бдительности. Руководители ССПК не поняли основной и главной задачи данного периода — задачи беспощадной борьбы с контрреволюционной троцкистско-националистической контрабандой в литературе» [23].

Особое место в постановлении отводилось бичеванию С.Сейфуллина. В четвертом пункте постановления в отношении его политических воззрений применялись уже знакомые эпитеты: «боязнь критики и самокритики», «замкнутость», «заснайство», «отрыв от масс», «вождизм», «кастовость»,

«творческое оскудение» и т.д. Сакен обвинялся в том, что ни одно из его выступлений на собраниях писателей, на страницах печати ясно не вскрывало недостатков в его собственной работе и в работе писательской организации [23; 80].

В августе 1937 г. газета «Қазақ әдебиеті» писала о Сакене, что его «творческая работа замедлилась, в последние годы не было написано ничего достойного... Товарищ Сакен вместо того, чтобы ежедневно бороться с врагами народа, он на их поступки смотрит с чрезмерным терпением, молчит. Молчание Сакена и то, что он не помогает партийной организации, — это означает, что он не выполняет своих партийных обязанностей» [24].

Возглавлявший в то время Союз Писателей Казахстана М.Каратаев подчеркивал: «Нужно полностью уничтожить остатки абвераховцев, существующих в казахской литературе» [19]. Имелись в виду «враги народа» — Алихан Букейханов, Ахмет Байтурсынов, Магжан Жумабаев, Смагул Садуакасов, Абдрахман Байдильдин, Габбас Тогжанов, Сакен Сейфуллин, Ильяс Жансугуров, Сабит Муканов, Беимбет Майлин, Мухтар Ауэзов, Абат Алибаев, Темирбек Жургенев, Абдильда Тажибаев, Амина Маметова, Молдагали Жолдыбаев, Миржакып Дулатов.

Названные в этой статье Алихан Букейханов, Ильяс Жансугуров и Темирбек Жургенев уже находились в тюрьмах НКВД Алма-Аты и Москвы, Смагул Садуакасов умер в 1933 г., Абдрахман Байдильдин был расстрелян в 1931 г. в Москве, Миржакып Дулатов умер в 1935 г. в ссылке в Карелии. Четверых из этого списка — Сабита Муканова, Мухтара Ауэзова, Абдильду Тажибаева и Амину Маметову судьба чудом уберегла от репрессивной машины тоталитаризма. Как верно подмечает исследователь творчества Сакена Сейфуллина А.Какен, дело, конечно же, не в статье М.Каратаева. Речь идет об общественно-политической ситуации в стране, когда в отдельно взятой республике «успешно» претворялась в жизнь важная составляющая «Малого Октября», а именно противопоставление одной части местной интеллигенции другой с целью уничтожения мыслящей части населения.

В газете «Казахстанская правда» была напечатана статья под названием «Выкорчевать национал-фашистскую мразь из Союза писателей Казахстана». В статье говорилось, что С.Сейфуллин возглавил антипартийную группировку. Далее отмечалось, что содержание его пьесы «Красные соколы» направлено на принижение руководящей роли русского пролетариата в освободительной борьбе казахского народа, а в романе «Тернистый путь» («Тар жол, тайғоқ кешу») он привел целую серию контрреволюционных алашординских документов и портретов врагов народа. Авторы статьи подчеркивали: «Ведь каждому известно, что с именем Сейфуллина связана так называемая сейфуллинская антипартийная националистическая группировка антипартийных позиций». Тогда выходит, что в пьесе «Красные соколы» Сакен допустил следующую ошибку: «без малейшего зазрения совести занимается самовосхвалением, через кривое зеркало изображает героическую борьбу казахских масс в годы гражданской войны и гнусно клеветает на руководящую роль русского пролетариата в освободительной борьбе казахского народа» [25].

Через неделю, 24 сентября 1937 г., Сакен Сейфуллин был взят под стражу, его уголовное дело было передано в НКВД. Он обвинялся в том, что «1. Состоял активным участником антисоветской националистической, террористической и шпионско-диверсионной организации. 2. Вел контрреволюционную борьбу с ВКП (б) и Советской властью с 1922 года, являясь скрытым троцкистом и возглавляя националистическую группировку. 3. Принимал участие в террористической деятельности организации. 4. Проводил антисоветскую вредительскую работу в области литературы. 5. Вел активную вербовочную деятельность организации. 6. В 1936 году установил связь с врагом народа Сокольниковым, с целью контактирования антисоветской работы. Т.е. в преступлениях, предусмотренных ст. 58 п.п. 2, 8, 11, УК РСФСР. Виновным себя признал» [26].

Сакен Сейфуллин был расстрелян 25 февраля 1938 г. по приговору выездной сессии Военной Коллегии Верховного Суда КазССР. Приговор был вынесен в течение 20 минут. В тот же день вместе с певцом-буревестником от рук НКВД погибли ещё 39 человек, среди которых Санджар Асфендияров, Сулеймен Ескараев, Кудайберген Жубанов, Темирбек Жургенев, Сейткали Мендешев, Габбас Тогжанов [27].

Необходимо обратить особое внимание на следующий аспект вопроса о судьбах интеллигенции как носительницы культуры в условиях тоталитарного режима. Для понимания отношений между властью и культурой, а также между властью и носителями культуры в советском обществе нужно учитывать, что властное лидерство здесь принадлежало не столько собственно государственным институтам, сколько структурам, которые формально оставались общественно-политическими организациями. Именно эти организации выполняли функции контроля и управления в обществе. Эти

структуры партии были главной, но не единственной составляющей сложной и разветвленной системы контроля и управления в стране. Существовали ещё государственные органы, которые, как известно, были помощниками партии. В то же время взаимоотношения и между ними не были однозначными, а в отдельных случаях даже отмечаются нестыковки. Поэтому не вполне правильно, когда при изучении тоталитарных режимов власть нередко отождествляется с государственными правовыми институтами. Это не единственный пример упрощенного подхода к изучению вопроса о взаимоотношениях власти и носителей культуры, когда советская интеллигенция представляется только как сторона страдающая, жертвенная, вечно находящаяся в оппозиции к власти. В Советском Союзе власти удалось привлечь на свою сторону часть интеллигенции и воспитать, в полном смысле этого слова, «советскую интеллигенцию», лояльную к власти.

Историография рассматриваемого нами вопроса сравнительно «молода». Только с конца 1980-х — начала 1990-х гг. открывшиеся для исследователей ранее недоступные фонды архивов дали возможность обратиться к этим неоднозначно оцениваемым страницам истории интеллигенции Казахстана советского периода, требующим деликатного и корректного отношения.

Список литературы

- 1 Анкета Сакена (Садуакаса) Сейфуллина // Госархив Акмолинской области. — Ф. 212. — Оп. 1. — Д. 34.
- 2 КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898 — 1988). — 9-е изд. — Т. 3. — М.: Политиздат, 1983. — 457 с.
- 3 Копия телеграммы за подписью т. Сталина членам бюро Казкрайкома ВКП (б) о журнале «Ақ жол» // АП РК. — Ф. 141. — Оп. 1. — Д. 479. — Л. 1.
- 4 *Серебрякова Г.* Странствия по минувшим годам: Новеллы. — М.: Наука, 1965. — 154 с.
- 5 *Сейфуллин С.* Тернистый путь: историко-мемуарный роман. — Алма-Ата: Жазушы, 1975. — 324 с.
- 6 *Кулахметов Г.* Новые факты из жизни Сакена Сейфуллина // Заря. — 1989. — № 12. — С. 3–4.
- 7 О 50-летнем юбилее Ахмета Байтурсынова // АП РК. — Ф. 139. — Оп. 1. — Д. 545а. — Л. 7.
- 8 *Дулатов М.* Избранное. — Алматы: Ғылым, 1991. — 302 с.
- 9 *Сейфуллин С.* Ахмет Байтұрсыновтың 50 жылдығына орай // Еңбекші қазақ. — 1923. — 2 ақп.
- 10 *Айтиев Ә. С.* Сейфуллин туралы // Еңбекші қазақ. — 1929. — 21 тамыз.
- 11 *Муканов С.* Школа жизни. — Кн. 2. Юность. — Алма-Ата: Жазушы, 1965.
- 12 Ақаңның юбилейі туралы // Ақ жол: Өлендер мен тәржімелер, публ. мақалалар және әдебиет зерттеу/ Құраст. Р.Нұрғалиев. — Алматы: Жалын, 1991. — 15–16-б.
- 13 *Муканов С.* Школа жизни. — Кн. 3. Годы возмужания. — Алма-Ата: Жазушы, 1966. — 144 с.
- 14 *Жанибеков Г.* Тайна Сакена // Советская степь — 1923. — 30 янв.
- 15 *Сейфуллин С.* Көкшетау. — Алматы: Жазушы, 1994. — С. 246–247.
- 16 *Бейбытова К.Д.* Традиции Абая в казахской поэзии начала XX века. — Алматы: Рауан, 1997. — 274 с.
- 17 Редакция атынан // Қазақ әдебиеті. — 1937. — 20 сәуір.
- 18 *Қаратаев М.* Жазушылар ұйымы жаңа міндеттер алдында // Социалистік Қазақстан. — 1937. — 24 сәуір.
- 19 *Роменко В.* Большевикке жетілу керек // Социалистік Қазақстан. — 1937. — 15 сәуір.
- 20 От редакции // Казахстанская правда. — 1996. — 6 июля.
- 21 *Тимофеев Н., Брайнин С.* Искоренить национал-фашистов. (Ұлтшыл-фашистік жауларды тамырымен құртайық) // Социалистік Қазақстан. — 1937. — 21 қырк.; Казахстанская правда. — 1996. — 17 дек.
- 22 Редакция мақаласы. Өзара сын және «ұсақ» жан туралы // Қазақ әдебиеті. — 1937. — 23 мамыр.
- 23 Политические репрессии в Казахстане в 1937–1938 гг. // Архив Президента РК: Сб. документов. — Алматы: Қазақстан, 1998. — 78 с.
- 24 Редакция мақаласы. Әдебиеттегі троцкист-бухариншыл ұлтшы-фашистерді құрту керек // Қазақ әдебиеті. — 1937. — 13 тамыз.
- 25 От редакции // Казахстанская правда. — 1937. — 16 окт.
- 26 Обвинительное заключение по делу № 11020 по обвинению Сейфуллина Сакена по ст. 58 пп. 2, 8, 11 УК РСФСР. Документ взят из фондов музея С.Сейфуллина (г. Астана).
- 27 *Тәтімов М.* Қазақ әлемі. (Қазақтың саны қанша? Қазақ қашан, қайдан қуылған, қырылған және атылған?). — Алматы: Атамұра-Қазақстан, 1993. — 160-б.

Г.М.Какенова

1930-жылдардағы Қазақстандағы шығармашылық интеллигенция арасындағы идеялық күрес: зерттеу мәселелері

Мақалада большевиктік мемлекеттің 30-шы жж. Қазақстанның шығармашылық интеллигенциясына қатысты жүргізген саясаттың бағыттары, ерекшеліктері, әдістері қарастырылған. Ғылыми-зерттеу жұмысы барысында аталған кезеңнің баспасөз материалдары мен мұрағат құжаттары деректік база ретінде қолданылып, ғылыми айналымға жаңа мәліметтер енгізілді. Әрі қолданылған деректерге талдау жасалынып, тақырып бойынша әділ және бүгінгі тарихи көзқарас тұрғысында қорытынды шығарылды.

G.M.Kakenova

The ideological struggle among the creative intelligentsia of Kazakhstan in 1930: problems of study

The article deals with topical issues of the Bolshevik state policy towards the intelligentsia of Kazakhstan in 30 years. During the study, was investigated historical base of sources that consists of archival documents and materials of the periodical press of those years. In line with this in the scientific revolution introduced new data, and based on them are made installment of the objective findings of the current historical views on the subject.

УДК 314

А.М.Жаркенова

Евразийский национальный университет им. Л.Н.Гумилева, Астана

Демографические показатели развития этносов Северного Казахстана в 1959–1989 гг.

В статье рассмотрены показатели демографического развития населения Костанайской, Торгайской, Кокшетауской, Целиноградской, Павлодарской областей в период 1959–1989 гг. Отмечено, что анализ показал, что после 1960 г. происходило снижение естественного прироста населения региона. Определено, что по итогам исследования в Целиноградской области средний размер семьи составлял 4,4–5,0 человека, а в других областях был еще ниже — 3,6–4,3 человека. В статье сделан акцент на том, почему в исследуемый период происходило снижение рождаемости среди разных этносов региона. Выяснено, что на протяжении 30 лет плотность населения в северных областях выросла от 22 процентов до 2,5 раза, а численность населения — в 1,5 раза, что на 0,3 ниже, чем за соответствующий период по Казахстану в целом.

Ключевые слова: демография, население, этносы, Северный Казахстан, казахстанские славяне, естественный прирост, семьи, городское население, высокая рождаемость, традиция совместного проживания.

В 1959–1989 гг. произошли значительные изменения в демографическом поведении этносов Северного Казахстана. Так, казахстанские славяне в изучаемый период, хотя и отошли от традиций многодетности и многопоколенности, все же имели лучшие показатели естественного прироста, чем в районах основного проживания, на исторической родине. Например, в Целиноградской области, где в 1970-е гг. более 70 % населения составляли славяне и немцы, а казахи лишь 18,4, общий естественный прирост в 1970 г. составил 15,2 %; в Северо-Казахстанской, где казахи в 1989 г. составляли лишь 18,6 %, общий естественный прирост составил 10,4 %. Конечно, это ниже соответствующих республиканских показателей (17,4 и 15,4), однако в близлежащих российских регионах ситуация обострялась куда хуже. На соседнем Урале, заселенном в основном славянами и татарами, за аналогичный период времени общий коэффициент естественного прироста снизился с 19,6 до 5,3 % [1].